

С. С. Жданов^{1,2}✉

Этнические образы Сибири в травелоге «По крыше мира» П. Т. Этертона

¹ Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

² Сибирский государственный университет геосистем и технологий,

г. Новосибирск, Российская Федерация

e-mail: fstud2008@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности репрезентации этнических образов в пространстве Сибири в травелоге «По крыше мира» британского путешественника П.Т. Этертона. Сибирь рассматривается как фронтальный и лиминальный топос между Китайской и Русской империями, а также между Востоком и Западом. Отмечается обобщенность и типизированность этнических образов, интерпретируемых автором. Выделен кочевнический образ казахов-киргизов как единого лиминального этноса, находящегося на границе вышеупомянутых имперских пространств. Этот образ дан Этертоном в более негативной интерпретации. Другим важным этносом в травелоге выступают русские сибиряки, маркированные амбивалентностью. Образы русских охарактеризованы мотивами религиозности, верноподданничества, медлительности, гостеприимства, радушия, неумеренности в еде и питье, а также невежества и жестокости. Последние два мотива свойственны типу сибирского мужика. Особо выделен Этертоном тип сибирского ямщика как покорителя фронтального сурового и энтропийного пространства сибирской степи.

Ключевые слова: этнические образы, казахи, киргизы, русские, Сибирь, Российская империя, Монголия, Китай, травелог П.Т. Этертона, фронт

S. S. Zhdanov¹✉

Ethnic images of Siberia in the travelogue «Across the roof of the world» by P. T. Etherton

¹Gorno-Altai State University, Gorno-Altairsk, Russian Federation

²Siberian State University of Geosystems and Technologies, Novosibirsk, Russian Federation

e-mail: fstud2008@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the features of the representation of ethnic images in the space of Siberia in the travelogue "Across the Roof of the World" by the British traveler P.T. Etherton. Siberia is considered as a frontier and liminal topos between the Chinese and Russian empires, as well as between the East and the West. The generalization and typification of ethnic images interpreted by the author is noted. The nomadic image of the Kazakhs-Kyrgyz is highlighted as a single liminal ethnic group located on the border of the aforementioned imperial spaces. This image is given by Atherton in a more negative interpretation. Another important ethnic group in the travelogue are the Russian Siberians, characterized by ambivalence. Images of Russians are characterized by motives of religiosity, loyalty, slowness, hospitality, cordiality, excess in food and drink, as well as ignorance and cruelty. The last two motives are typical for the image of the Siberian peasant. The Siberian yemshik as a conqueror of the harsh and entropic frontier space of the Siberian steppe is particularly valued by Etherton.

Keywords: ethnic images, Kazaks, Kirghiz people, Russians, Siberia, Russian Empire, Mongolia, China, travelogue by P.T. Etherton, frontier

Введение

Феномен сибирского текста отмечается не только в русской, но и в других культурах, что, в свою очередь, становится объектом научного внимания в исследованиях как отечественной, так и зарубежной гуманитаристики, посвященных образу Сибири в нерусскоязычной словесности [1–2; 4–13; 15–27; 30]. Этот, далеко не полный, список работ последних десятилетий свидетельствует о непрекращающемся интересе ученых к указанной имагологической проблематике, в рамках которой фронтальное сибирское пространство как элемент Другого/Чужого и медиационный спатиум между Востоком и Западом служит для иноязычного автора, в том числе, средством построения собственной картины мира, самоориентации и самопрезентации в этом пространстве.

Несмотря на достаточно значительное количество работ по сибирской образности в зарубежной словесности, данная научная проблематика изобилует лакунами. Множество текстов как художественной, так и нехудожественной природы еще ждут своего исследователя. Одним из таких малоизученных текстов является травелог «По крыше мира...» британского лейтенанта П.Т. Этертона, где описываются странствие последнего по Азии (и, в частности, Сибири), через которую автор, презентующий себя в книге в качестве путешественника и спортсмена (охотника), возвращается в Европу после неудачной из-за погодных условий попытки охоты на Алтае [28, р. 132]. Насколько нам известно, данный травелог весьма мало исследован и упомянут лишь в исторических работах В.В. Галиева [3] и Д.К. Во [31]. Кроме того, позднейшая деятельность Этертона в Азии освещена в статье О.А. Махмудова [14].

Целью же нашего исследования, отмеченного, следовательно, достаточно значительной научной новизной, выступает анализ этнически маркированных образов, представленных в вышеуказанном травелоге.

Методы и материалы

В статье использованы сравнительно-сопоставительный, аналитико-описательный и семиотический методы. Материалом исследования служит травелог П.Т. Этертона «По крыше мира: записки о спорте и путешествии по Кашмиру, Гилгиту, Хунзе, Памиру, Китайскому Туркестану, Монголии и Сибири», опубликованный в 1911 году.

Результаты и обсуждение

Сибирская антропная образность в травелоге Этертона носит типизированный характер, тесно связанный с маргинализированным пространственным образом северного сурового места заключения: «Сибирь всегда ассоциировалась с бандами каторжников и ссыльных, обреченных на вечное заточение в мрачных уголках этой страны льда и снега. Ее также считали страной страданий и отчаяния, неподходящей для колонизаторов и эмигрантов» (“Siberia has ever been associated with gangs of convicts and bands of exiles doomed to perpetual banishment in the gloomy recesses of that land of ice and snow. It has also been regarded as a land of

misery and despair, and one unfit for the coloniser and the emigrant”)¹ [29, p. 427], т.е., по сути, автор отказывает Сибири в статусе даже колонии. Впрочем, британец оговаривает, что строительство Транссибирской железнодорожной магистрали меняет сибирское пространство: «Однако появление железной дороги устранило эти страхи и открыло страну, обладающую неограниченными ресурсами» (“The advent of the railway has, however, swept aside these terrors and opened up a country which possesses unlimited resources”) [29, p. 427]. Соответственно, в образе современной Этертону Сибири подчеркнуты мотивы ресурсного, а также медиационного пространств между Западом и Востоком, позволяющего добраться из Лондона в Пекин за пятнадцать дней и перебрасывать вооруженные силы для завоевания Российской империей Манчжурии, которая мыслится автором отдельным от Сибири топосом [29, p. 428].

Кроме того, сибирская антропность выражена в травелоге довольно ограничено. Как справедливо замечает Д.К. Во, в целом, «поскольку Этертон путешествовал по землям, по которым ранее не проходил ни один англичанин, его книга... является полезным пособием по описательной географии, где больше внимания уделяется пространству, чем человеческому аспекту» (“*more attentive to its physical than its human side*”) [31, p. 3]. Соответственно, маркированные этничностью описания Сибири составляют второстепенный и по существу окказиональный пласт этертоновского повествования. Еще одной причиной невнимания британца к сибирской этничности можно назвать внешние обстоятельства, повлиявшие на автора травелога. Дело в том, что сибирский отрезок путешествия Этертона является для него финальным и при этом связанным с физическими трудностями. Он и его ординарец получили сильные обморожения во время попытки проехать по долине Черного Иртыша к горам Алтая, поэтому отправились на территорию Российской империи за квалифицированной медицинской помощью, лечились некоторое время в больнице, где их контакты были ограничены, а потом спешно добирались до Трансисба, чтобы вернуться в Европу. Таким образом, у Этертона в том числе не было ни времени, ни знания русского языка, чтобы подробно знакомиться с населением Сибири.

В Сибирь автор попадает с территории Монголии, бывшей на тот момент частью Китайской империи. Помимо самих монголов, охарактеризованных достаточно подробно, Этертон встречает на этом китайско-русском фронтире китайских чиновников и торговцев, так называемых торговцев-сартов (“*Sart merchants*”)², представителей оседлого населения Средней Азии, а также племена

¹ Здесь и далее пер. с английского наш – авт.

² Так, Этертон характеризует этнический состав городка Шара-Сумбе: «Население состоит из монголов и китайцев, большинство магазинов находится в руках китайцев, хотя есть также несколько торговцев-сартов, занимающихся мелким бизнесом» (“*The population consists of Mongols and Chinese, the majority of the shops being in Chinese hands, though there are also a number of Sart merchants engaged in business in a small way*”) [29, p. 375–376]. Кроме того, автор упоминает встреченного им на фронтире некоего торговца-мусульманина Исмаила Бя

кочевников-казахов (*"the Kazaks"*). Причем, если контакты Этертона с вождями (*"chiefs"*) последних описаны в достаточно доброжелательном тоне, то образы остальных казахов исполнены негативных коннотаций дикости, неорганизованности, трусости, что в целом соответствует европейскому стереотипу восприятию варвара-азиата-кочевника: «дикая невоспитанная толпа кочевников» (*"a wild ill-mannered crowd of nomads"*) [29, p. 351]; «Казахи формально присягают на верность китайцам, но это имеет ненадежный характер» (*"The Kazaks own nominal allegiance to the Chinese, but it is of a sketchy nature"*) [29, p. 367]; «казах в душе трус» (*"the Kazak is a coward at heart"*) [29, p. 371]; «среди казаков распространился слух, что китайцы собираются призвать их на службу в иррегулярную кавалерию, и это так встревожило их, что они все покинули окрестности, прихватив с собой сумки и багаж, поскольку воинственные амбиции у них, очевидно, были на исходе» (*"a report had spread amongst the Kazaks that they were to be pressed for service as irregular cavalry by the Chinese, which so alarmed them that they all cleared out of the neighbourhood, bag and baggage, martial ambition obviously being at a low ebb amongst them"*) [29, p. 378]. В «лучших» колониалистских традициях ориенталистского нарратива Этертон также описывает, как с помощью плетки, т.е. физическим насилием, умиряет бунт проводников-казахов, не желавших продолжать опасное зимнее путешествие на Алтай. Британец подчеркивает, что номадная энтропийность при слабости внешней упорядочивающей власти, маркированной китайскостью, приводит к увеличению хаоса, разбоям и грабёжам.

С другой стороны, русская имперскость выступает на фронтире вторым полюсом силы, устанавливающим свой порядок: «раньше в округе царило полное беззаконие, но с тех пор, как русские укрепили свою власть на границе, набеги стали реже, и у банд грабителей теперь было мало возможностей для их деятельности» (*"formerly the country round was very lawless, but since the Russians had exerted greater authority along the frontier line raids were less frequent and bands of*

(*"Ismail Bai"*), «родом из Кашгара, откуда... он переселился в Кульджу, а затем в Чугучак. Оттуда он и его семья переехали в Зайсан, расположенный на российской территории, в городе, расположенном в пяти переходах к северо-востоку от Чугучака, и откуда, услышав о возможностях китайского Алтая и Монголии с торговой точки зрения, он решил перенести свою штаб-квартиру. Ко времени моего приезда он прожил в Шара-Сумбе пять лет, за это время открыв филиал в Кобдо, монгольском городе на северо-восточной окраине Алтая, лежащем на прямой дороге между российской границей, Улясутаем и Ургой» (*"hailed from Kashgar, whither he had migrated... to Kulja and later to Chuguchak. Thence he and his family had moved on to Zaisan, in Russian territory, a town situated five marches to the north-east of Chuguchak, and where, hearing of the possibilities of the Chinese Altai and Mongolia from a trading point of view, he had decided on transferring his headquarters. At the time of my arrival he had been resident in Shara Sumbe five years, having during that period opened a branch at Kobdo, the Mongolian town on the north-eastern confines of the Altai, lying on the direct road between the Russian frontier, Uliasutai, and Urga"*) [29, p. 374]. Как видим, неопределенность сибирско-китайского фронта позволяет представителям разных этносов легко перемещаться между империями, власть которых здесь относительно номинальна.

robbers had now little scope for their activities") [29, p. 392]. Русское влияние в Монголии проявляется также в описании ряда артефактов, свидетельствующих о взаимодействии этносов, государств и торговых отношениях между народами. Так, в доме одного из казахских вождей британский путешественник подмечает «календарь, часы и термометр российского производства»: «на мой вопрос, где он их раздобыл, вождь сказал мне, что годом ранее в страну приезжал русский путешественник из Улясутая и сделал ему подарок. Он сказал, что путешественник, о котором идет речь, прибыл с небольшим эскортом казаков» (*"a combination calendar, clock and thermometer, of Russian make, ...on my enquiring as to where he had obtained it the chief told me that the year before a Russian traveller had visited the country from Uliassutai and had made him a present of it. He said the traveller in question had come with a small escort of Cossacks"*) [29, p. 391]. По мнению Этертона, это был русский консул из Улясутая. В стойбище казахов (*"a Kazak camp"*), неподалеку от границы с Российской империей, автор видит «несколько шкатулок русского производства, украшенных яркой мишурой и слоями латуни – украшение, дорогое сердцу кочевника»³ (*"several boxes of Russian make, ornamented with gaudy tinsel work and layers of brass, a form of embellishment dear to the nomad's heart"*) [29, p. 394]. Наконец, на границе Этертон встречает двух сибиряков: «один из них – чиновник, назначенный для надзора за торговлей шкурами и досмотра шкур, поступающих на российскую территорию, поскольку среди казаков существует крупный бизнес по торговле шкурами, которые в больших количествах продаются российским торговцам» (*"one being the official appointed to supervise the skin trade and examine hides entering Russian territory, there being a considerable business in skins amongst the Kazaks, who dispose of them in large numbers to Russian traders"*) [29, p. 396].

Хотя по ту сторону границы, в Зайсане и далее, нарратор, по собственному признанию в основном общался с русскими⁴, он отмечает наличие иных националь-

³ Наряду с ориенталистским мотивом ярких украшений, любимых дикарями/варварами, Этертон вводит мотив невежества азиатов-кочевников, с которым приходится сталкиваться британцу/европейцу, несущему «бремя белого человека» в Азии: «Их вера в целительные силы европейцев поразительна, они, по-видимому, считают, что для немедленного излечения необходимо только доставить пострадавшего к врачу» (*"Their faith in the healing powers of the European is remark able, they apparently thinking it only necessary to bring forward the sufferer for an immediate cure to be effected"*) [29, p. 395]. Путешественник также иронически высказывается о профессионализме китайского врача, к которому обращается с обморожением на фронтире, подчеркивая, что по-настоящему помогает лишь русская медицина в Зайсане.

⁴ Во фрагменте, посвященном пребыванию Этертона в зайсанском госпитале, отметим одну любопытную деталь. Если, например, британец А. Рид в своем сибирском травелогe акцентирует иную, чем у русских, традицию колонизации земель, которая ориентирована «на разделение, на проведение четких границ между собой и населением колоний, которые имплицитно мыслятся ниже по положению по отношению к британцам» [7, с. 38], то Этертон, напротив, опосредованно восхваляет (по крайней мере, явной иронии мы здесь не заметили) отношение британских офицеров к покоренным народам: «когда я лично осматривал Джияни [вы-

ностей во фронтирном пространстве. Так, им упоминается без подробностей встреченный в Сибири татарский торговец (“a Tartar merchant”) [29, p. 409] на одной из почтовых станций. В Усть-Каменогорске автор встречается «единственного англичанина, ответственного за местную шахту [29, p. 418]. Но основное внимание из нерусского населения Сибири Этертон уделяет казахам-скотоводам в районе Зайсана, причем маркирует их двумя этнонимами как «казахов», под которым они известны ему в Китае, так и киргизов – наименование их в рамках Российской империи: «В Зайсанском районе проживает значительное количество кочевников, и в летние месяцы здесь ведется торговля лошадьми и крупным рогатым скотом» (“*There is a considerable nomad population in the Zaisan district, and during the summer months trade in horses and cattle is carried on*”) [29, p. 399]; «Местность вокруг озера Зайсан населена киргизами, или казахами, как их называют в Китайской империи, и погонщики саней на этом участке дороги набираются исключительно из них. Эта земля представляет собой обширную и пустынную степь, зимой малонаселенную, но в остальное время года служащую отличным пастбищем для больших стад лошадей и крупного рогатого скота» (“*The country around the Zaisan Lake is inhabited by Kirghiz, or Kazaks as they are known in the Chinese Empire, the sledge drivers on this portion of the road being recruited entirely from them. The land is a vast and desolate steppe, sparsely inhabited in winter, though a great grazing ground during the rest of the year, and affording fine pasturage to large herds of horses and cattle*”) [29, p. 408]. Фактически британский автор называет их одним народом, имеющим общую культуру, но та часть, являющаяся поданными Российской империи и называемая в дальнейшем в тексте киргизами, маркирована большей цивилизованностью в западном смысле этого слова, благодаря более тесным контактам с русскими: «По внешнему виду, своим манерам и обычаям, а также по образу жизни киргизы на территории России очень похожи на казаков, которых можно встретить в китайском Туркестане и Монголии, за исключением того, что общение с русскими сделало их немного более цивилизованными» (“*In appearance, in their manners and customs, and in their mode of life, the Kirghiz of Russian territory closely resemble the Kazaks one encounters in Chinese Turkistan and Mongolia, with the exception that contact with the Russians has rendered them a trifle more civilized*”) [29, p. 408].

В травелогe также актуализирована репрезентация пространства исторического прошлого, связанного с казахскостью: «В былые дни степная страна на

шеупомянутый пострадавший туземец-ординарец Этертона – авт.] и потуже затянул его пальто и шарфы, они [русские солдаты из госпиталя – авт.] не могли сдержать возгласов изумления. <...> русскому офицеру и в голову не придет пойти на такие заботы о своих людях, и... служить под началом британцев, должно быть, действительно само счастье. (“*when I personally inspected Giyani and tightened his coats and mufflers they could not withhold exclamations of astonishment. <...> a Russian officer would never dream of taking such trouble with his men, and ... to serve under the British must indeed be happiness itself*”) [29, p. 403]. Впрочем, этот эпизод можно списать и на наивность восприятия русских солдат, поскольку сам автор никак его не комментирует.

всей территории этого региона Сибири была отдана киргизам, которые беспрепятственно бродили по ней, но с течением времени они стали менее независимыми, чем в прежние времена» (*“In days gone by the steppe country throughout this region of Siberia was given over to the Kirghiz who roamed it unchecked, but with the advance of time they have become less independent than in former days”*) [29, p. 408]. Это прошлое темпорально точно не определено в тексте и закономерным образом сливается с пространством легендарно-языческим, дохристианским: «у киргизов есть интересная легенда о том, что в далекие времена, задолго до христианской эры, эта земля была населена высокой и могущественной расой, двое представителей которой, отец и его сын, намереваясь перекрыть реку, решили убрать одна из вершин Тарбагатайского хребта, тянувшегося на юг, и перенести ее на берега реки Иртыш, недалеко от города Усть-Каменогорска» (*“Concerning the steppe country in the vicinity of Lake Zaisan the Kirghiz have an interesting legend to the effect that in days long before the Christian era the land was peopled by a high and mighty race, two individuals of which, a father and his son, with the object of damming the river, determined to remove one of the peaks of the Tarbagatai Range to the southward and transfer it to the banks of the Irtysh River, hard by the town of Ustkhamenogorsk”*) [29, p. 408]. По предаваемой Этертоном легенде, в результате нарушения наказа отца сын и отец погибают под горой во время пути, а из слез оплакивающей их матери на горе около Зайсана образуются хрусталь и кварц.

Как выше говорилось, Этертон в Сибири встречается в основном с русскими, включая различные слои общества – офицерами, торговцами, чиновниками и крестьянами-«мужиками» (*“moujiks”*) [29, p. 410]. В своих характеристиках антропной русскости автор склоняется к обобщению⁵ и типажности, используя этноним «русские». Фактически слово «сибиряки» (*Siberians*) встречается в тексте трижды⁶, в сходном смысле автор также употребляет словосочетание «сибирский крестьянин» (*“the Siberian peasant”*) [29, p. 410]. Соответственно, в травелоге Этертона нет тенденции к подчеркиванию отличий сибиряков от прочих русских, в отличие, например, от произведения Рида [7, с. 36]. Русские маркируются Этертоном (практически по уваровской триаде) мотивами религиозности и наивного (народного) верноподданничества: «Все русские религиозны или, по крайней мере, за-

⁵ В своих этнохарактеристиках Этертон прибегает к словосочетаниям «все русские» или «никто из людей».

⁶ Один раз это просто обозначение русских из Сибири, чтобы отличать их от монголов, китайцев и казахов на фронтире, другой раз – атрибуция сибирских крестьян, которым приписывается мотив нечистоты (стереотип «грязных (русских) сибирских крестьян»): «сибиряки относятся к мытью иначе, чем мы, и обходятся совсем минимальным количеством мыла и воды.» (*“the Siberian does not regard the matter of ablutions in the same light as we do, and manages with quite a minimum amount of soap and water”*) [29, p. 410]. В третий раз сибиряки упоминаются в качестве атрибуции ямщиков для различения их с ямщиками-киргизами: «Все ямщики теперь были сибиряками, отличными, рослыми ребятами» (*“All the drivers were now Siberians, fine stalwart fellows”*) [29, p. 419]. Ср. с характеристикой ямщиков на первых почтовых станциях от Зайсана: «Ямщики были киргизами» (*“The drivers were Kirghiz”*) [29, p. 406].

являют о своей религиозности» (*"All Russians are religious, or at any rate profess to be"*) [29, p. 410]§ «Портреты царя и царицы также можно найти почти на каждой почте, поскольку неискушенный человек рассматривает самодержца всея Руси как существо, перед которым все должны склоняться в абсолютном подчинении» (*"Portraits of the Czar and Czarina are also to be found in nearly every post-house, for the untutored regards the Autocrat of All the Russias in the light of a being to whom all must bow in absolute submission"*) [29, p. 411].

Еще одной характеристикой русских, по Этертону, является медлительность, против которой может помочь лишь помощь властей, убыстряющих темп русской жизни, что актуализирует в тексте антитезу «флегматичный русский – активный британец»: «Никто из людей никогда не спешит, за исключением тех случаев, когда речь идет об официальных властях, и тогда все приходят в движение, суется до такой степени, что это показывает благоговейный трепет, с которым относятся к правящим классам. Для энергичного британца, привыкшего к быстроте и исполнительности, задержки, с которыми часто приходится сталкиваться, и проявляемое отсутствие энергии вызывают крайнее раздражение» (*"None of the people are ever in a hurry except where officialdom is concerned, and then all are galvanised into activity, bustling about to an extent that reveals the awe in which the ruling classes are held. To the energetic Britisher, accustomed to promptitude and despatch, the delays often met with and the lack of energy displayed are most exasperating"*) [29, p. 411]. Отметим сходное противопоставление в травелоге Рида, утверждающего, что славяне в Сибири не могут быть столь же экономически эффективны, как англосаксы в Америке [7, с. 37].

Кроме того, русские маркированы мотивами глuttonии – питья алкоголя и чая: «В тот день, 8 января, был русский праздник, и жители обменивались визитами и проезжали по улицам на санях, распевая колядки и время от времени выпивая за здоровье» (*"That day, January 8th, was a Russian feast day, and the inhabitants were exchanging visits and parading through the streets in sledges, singing carols and drinking healths at intervals"*) [29, p. 397]; «Самовар – популярный атрибут в России, которое постоянно присутствует как у богатых, так и бедных» (*"The samovar is a popular institution in Russia, constantly in evidence, amongst rich and poor alike"*) [29, p. 411]; «Во второй половине дня подается чай, который выпивается многочисленными стаканами» (*"In the afternoon there is tea, of which numerous glasses are consumed"*) [29, p. 414], – обильного потребления пищи: «Все русские наделены ненасытным аппетитом, а забота о желудке возведена в ранг изящного искусства. На ужин, который соответствует нашему обеду, предлагается огромное количество блюд, начиная с "закуски", состоящей из сардин, икры, нарезанных помидоров, сырой рыбы и других деликатесов. <...> поздно вечером, обычно около 11 часов, подается ужин, размеры которого могут в течение месяца вызывать кошмары у неподготовленных англосаксов» (*"All Russians are gifted with voracious appetites and the care of the inner man has been reduced to a fine art. At dinner, which corresponds to our lunch, there is a formidable array of viands, commencing with the "zakouska", consisting of sardines, caviare, sliced tomatoes, raw fish and other delicacies. <...> late at night, usually about 11 o'clock,*

supper is served, of dimensions warranted to give the untrained Anglo Saxon nightmares for a month”) [29, p. 414].

С долей иронии Этертон упоминает также радушие и дружелюбие русских: «Русские очень привязчивы и проводят большую часть времени, целуя друг друга, - довольно популярное времяпрепровождение, когда им занимаются дамы, но, как правило, неудачен там, где им занимаются только мужчины» (*“Russians are very affectionate and spend much of their time in kissing each other, quite a popular pastime when indulged in with the ladies but apt to fall rather flat where it is confined to men”*) [29, p. 414]; «Каждый день я обедал и ужинал в разных местах, и по прибытии все обычно обнимались, хотя с тех пор, как они виделись в последний раз, не прошло и двенадцати часов. Однако русский человек гостеприимен, и он делает все возможное, чтобы услужить своему гостю» (*“I dined and supped at a different place every day, and on arrival it was the custom for everyone to embrace, although twelve hours had not elapsed since they last saw each other. The Russian is, however, a hospitable soul and leaves no stone unturned in the service of his guest”*) [29, p. 414]. Иронией проникнуто и портретное описание сибирских мужиков, почтовых служащих, и их жен: «Мужчины, заведующие почтовыми станциями, обычно мужики, с лохматыми бородами, в овечьих шкурах и шапках, и с диким видом, соответствующим их одежде. Женщины <...> явно невзрачны и скучны, с огромными талиями и чрезмерно большими ступнями, что, если и не добавляет им личного обаяния, позволяет им крепко стоять на земле» (*“The men in charge of the post stations are usually moujiks, with shaggy beards, sheep-skin coats and caps, and wearing an air of savagery in keeping with their attire. The women <...> are distinctly plain and dull, having enormous waists and unduly large feet, which, if it does not add to their personal charm, enables them to keep a good hold on the country”*) [29, p. 410].

Если сибирские мужики представляют в травелоге в основном комически-бытовой типаж, то ямщики относятся к авантюрному типу, тесно связанному с фронтирным масштабным пространством Сибири, где антропность проявлена слабо и ее подавляет природа. Соответственно, образы ямщиков маркированы мотивами удали, силы и стойкости в их противостоянии с энтропийным топосом сибирских степей: «Эти жители степей – выносливые люди, закаленные всеми суровыми условиями сибирской зимы и способные выдержать немало трудностей» (*“They are hardy people, these dwellers of the steppes, inured to all the rigours of the Siberian winter and capable of undergoing much hardship”*) [29, p. 420]. Неудивительно, что образы ямщиков и мужиков противопоставлены в тексте в рамках деревенского локуса: «Проезжая через деревню, сибирский ямщик всегда делает это с такой скоростью, которая позволяет ему поддерживать свою репутацию высококлассного мастера обращения с вожжами и санями, лавируя между колеями и ямами на улице» (*“When passing through a village a Siberian yemshik always does so at a pace calculated to maintain his reputation as a handler of the ribbons of a high order, and the sledge, bumping in and out of ruts and depressions in the street”*) [29, p. 420]. Данный типаж вызывает у нарратора не иронию, а восхищение: «Они [сибирские ямщики – авт.] так умело управляли упряжкой из трех

лошадей, что это вызвало у меня безоговорочное восхищение» (*“they handled the teams of three horses in a manner that compelled my unqualified admiration”*) [29, p. 419].

В целом, нарратор при оценке русскости как Другого в сравнении с британскостью как Своим достаточно благожелателен с некоторыми оговорками и замечает, что «русская жизнь... значительно отличается от наших представлений, но, хотя и не дотягивает до некоторых важных аспектов, имеет много достоинств» (*“Russian life... varies considerably from our ideas, but though it is wanting in several essentials has much to recommend it”*) [29, p. 414].

Единственный, по-настоящему негативный эпизод описания русскости связан с мотивом невежества местных крестьян, напавших на торговцев, маркированных инонациональностью: «полицейский рассказал мне историю, наглядно иллюстрирующую уровень невежества, распространенный среди крестьянского населения. <...> недавно в Барнаул из Русского Туркестана прибыли индийские торговцы, стремясь наладить торговлю. С их прибытием распространился слух, что они приехали с целью похищения детей, <...> несчастных мужчин окружила толпа, с ними жестоко обошлись: одного из них убили, а другие получили ранения» (*“The... police officer told me a story amply portraying the state of ignorance prevalent amongst the peasant classes. <...> some Indian traders, with a view to opening up trade, had recently arrived in Barnaul from Russian Turkistan. With their advent a rumour spread abroad that they were there for the purpose of abducting children, and <...> the unfortunate men were mobbed and badly handled, one of them being killed and others injured”*) [29, p. 424–425].

Заключение

Итак, Сибирь как этнокультурное антропное пространство в травелоге Этертона характеризуется гетерогенностью и при этом обобщенностью, типажностью в дескриптивном плане. С множеством народов, населяющих этот топос, нарратор как представитель западной, британской культуры вступает в сложные отношения, мерилom которых выступает чужесть по отношению к британскому как Своему. Автор явно больше благоволит русским сибирякам как представителям цивилизации (форпоста Запада, по сути) по сравнению с азиатами-кочевниками. Через эту колониалистскую и ориенталистскую позицию то в явной, то в скрытой форме актуализирована также позиция покорителя чужого пространства как выражение в том числе идеи «бремени белого человека».

Сибирь предстает в тексте Этертона, с одной стороны, как фронт и граница между китайской и русской империями, а с другой – в качестве медиационного пространство между Азией и Европой. С точки зрения первой ипостаси интересна репрезентация казахов как народа фронта, свободно перемещающихся через границу и фактически эти границы игнорирующего. Эта трансграничность зафиксирована в двух этнонимах (казахи и киргизы), являющихся фактически обозначением одного этноса в принадлежавшей Китаю Монголии и Российской империи, соответственно. При этом последняя изображена упорядочивающим центром силы в степи, поэтому «киргизы» описаны как более цивилизованные (имплицитно как бо-

лее связанные с западной цивилизацией), чем их родичи по ту сторону границы. Впрочем, достаточно проницаемой русско-китайская граница, т.е. диффузным пространством, является и для представителей других народов, например, русских и сартов, связанных со сферой торговли и взаимодействующих с кочевым миром.

С точки зрения медиационного пространства, Сибирь для Этертона есть дорога в Европу, и поэтому этнические образы русских во многом связаны с дорожным топосом. Это почтовые смотрители, русские мужики, или лихие сибирские (русские) ямщики, а также иные спутники автора на пути домой. Образы русских, как и прочих народов, в травелоге достаточно типизированы и маркированы мотивами религиозности, верноподданничества, медлительности, гостеприимства, радушия, неумеренности в еде и питье. В репрезентации сибирских крестьян, равно как и азиатских кочевников, актуализирован также мотивы невежества и жестокости. Особой привлекательностью для автора обладают образы сибирских ямщиков как покорителей фронтального пространства, противопоставленных оседлому крестьянству в Сибири.

Благодарности

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-20397 «Межнациональные отношения в Сибири в рецепции европейских путешественников конца XIX – начала XX вв.», <https://rscf.ru/project/25-28-20397/>).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов И. В. Шесть лет в Сибири (о травелоге Сигерта Патурссона «От Фарер до Сибири») // Уральский исторический вестник. 2020. – № 2 (67). – С. 142–145. – DOI: 10.30759/1728-9718-2020-2(67)-142-144
2. Алексеев П. В. Горный Алтай как «внутренний восток России» в английских травелогах второй половины XIX – начала XX вв. // Журнал фронтальных исследований. – 2024. – Т. 9, № 4 (36). – С. 15–36. – DOI: 10.46539/jfs.v9i4.558
3. Галиев В. В. Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне (конец XIX - нач. XX в.). – Алматы: Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2003. – 189 с.
4. Галкина О. И. «Канада восточного мира»: эволюция образа Сибири на страницах британской прессы и травелогов в конце XIX-начале XX веков // «Свои» / «Другие» / «Чужие»: из истории взаимодействия и противоборства Запада, Востока и России. – СПб.: Алетейя, 2021. – С. 409-421.
5. Деминова М. А., Халина Н. В., Янчевская К. А. Образ сибирского города в германском травелоге XIX века (по страницам «Путешествия в Западную Сибирь» Отто Финша) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2024. – № 1. – С. 64–70.
6. Ершов М. Ф. Социокультурные контакты иностранных путешественников на Тобольском Севере в XIX – начале XX века // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2021. – Т. 31, вып. 1. – С. 124–130. – DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-1-124-130
7. Жданов С. С. Рецепция межнациональных отношений в Сибири в травелоге «Из Пекина в Петербург» А. Рида // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. XXI Международный научный конгресс, 21–22 мая 2025 г., Новосибирск: сборник материалов в 8 т. Т. 5: Международная конференция «Электронное геопространство: философско-гуманитарное и социально-правовое из-

мерение». – Новосибирск: СГУГиТ, 2025. – С. 30–41. – DOI: 10.33764/2618-981X-2025-5-30-41. – EDN: ZMBOKK

8. Козулин В. Н. Образ Сибири в записках западноевропейцев XV–XVII вв. // Дневник Алтайской школы политических исследований. – 2022. – № 38. – С. 141–151.

9. Коротких М. А. Образ Сибири в приключенческом романе Жюль Верна «Михаил Строгов» («Царский курьер») // *Syberia – historia i ludzie*. – Rzeszow: Wydawnictwo Uniwersytetu Rzeszowskiego, 2018. – С. 137–143.

10. Ланца Д. Образы Сибири в культуре Европы // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. – 2019. – № 1 (3). – С. 77–82.

11. Макурин А. И. Женский авантюрный травелог: путешествие американки Хелен Ли по Сибири // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2024. – Т. 9, № 2. – С. 5–13. – DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-2-5-13

12. Макурин А. И. «Великий сибирский путь» в описаниях американских путешественников начала XX века // *Метаморфозы истории*. – 2023. – № 29. – DOI: 10.37490/S241436770027420-2

13. Мароши В. В. Глазами художника: Горный Алтай в травелоге Т. У. Аткинсона // Культура и текст. – 2018. – № 4. – С. 181–198.

14. Махмудов О. А. «Крыша мира» на пересечении англо-советских геополитических интересов (1917–1922 годы) // Новая и новейшая история. – 2022. – № 1. – С. 98–111. – DOI: 10.31857/S013038640018261-5

15. Мингати А. Путешествие по транссибирской магистрали: «сибирский текст» в итальянских травелогах // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, – 2018. – № 5. – С. 82–91.

16. Наумова О. А. Англоязычная беллетризованная биография последних десятилетий: мемуарно-художественная документальность и образы Сибири в «Истории Ольги» С. Вильямс // Филология и культура. – 2016. – № 4 (46). – С. 237–242.

17. Нечипорук Д. М., Горелко А. В. Открывая Россию: научные экспедиции Генри Сибоба в Российскую империю // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2023. – № 6 (87). – С. 105–111. – DOI: 10.26105/SSPU.2023.87.6.011

18. Новикова Н. Н. Мифологема Сибири в романе Бернхарда Шлинка «Возвращение» («Die Heimkehr») // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». – 2022. – Вып. 7, Т. 2. – С. 355–357.

19. Олицкая Д. А. Образы Сибири в немецкой паралитературе XIX и XX вв. // Текст. Книга. Книгоиздание. – 2018. – № 18. – С. 44–64. – DOI: 10.17223/23062061/18/3

20. Останина М. А. Путевые заметки Джона Белла о поездке через азиатское пространство (1719–1721 гг.) как источник материалов о Сибири в Европе и России в 18–19 веках // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 2(75). – С. 571–574.

21. Останина М. А., Шастина Т. П. Английская леди в “wild space” Сибири (по книге Mrs. L. Atkinson “Recollections of Tartar steppes and their inhabitants”) // *Studia Litterarum*. – 2018. – Т. 3, № 3. – С. 64–81.

22. Прожорин Е. Л. Репрезентация Сибири XIX в. в травелоге Дж. Симпсона // XIV Ежегодная научная сессия аспирантов и молодых ученых: материалы Всероссийской научной конференции. – Вологда: Издательство ВГУ, 2020. – С. 186–191.

23. Сенюхин А. А. Образы Сибири в английских и американских травелогах рубежа XIX–XX вв. // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – № 6. – С. 107–115. – DOI: 10.7256/2454-0609.2020.6.34114

24. Тайманова Т. С. Сибирь Доминика Фернандеза: травелог и место памяти // Вестник Ле-

- нинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 1, № 4. – С. 82–88.
25. Телешова Р. И. Образ Сибири в творчестве Анри Труайя // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. – 2022. – Т. 16, № 1. – С. 65–70.
26. Alekseev P. V., Alekseeva A. A., Boone P. Remembering India: Southern Altai in Harold Swayne's travelogue // The World of Science, Culture and Education. – 2020. – № 3 (82). – P. 558–559. – DOI: 10.24411/1991-5497-2020-00654
27. Bolshakova L. P. Conceptualization of the image of Siberia in contemporary travel literature // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2016. – Т. 9, № 3. – С. 551–558.
28. Byrne S. Glimpsing the Great Gobi: British agents and other travellers in Mongolia from 1715 to 1935. A log of seventy British travellers who left a written or visual account of their visit to Mongolia. – Tokyo: Yubunsha, 2022. – 255 p.
29. Etherton P. T. Across the roof of the world: a record of sport and travel through Kashmir, Gilgit, Hunza, the Pamirs, Chinese Turkistan, Mongolia and Siberia: with map and illustrations. – London: Constable and Company, 1911. – 437 p.
30. Ozola D., Burima M. Geopolitical discourse in contemporary Latvian and American travel narratives // Journal of Frontier Studies. 2023. – Vol. 8, № 2 (30). P. 291–312. – DOI: 10.46539/jfs.v8i2.418
31. Waugh D. C. Etherton at Kashgar: Rhetoric and rReality in the history of the “Great Game”. – Seattle: Bactrian Press, 2007. – 72 p.

© С. С. Жданов, 2026